

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВ

ТУМАК ФОРТУНЫ

*или
Услуга за услугу*

16+

Сергей Георгиевич Михайлов

Тумак фортуны, или Услуга за услугу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38280579

SelfPub; 2020

Аннотация

Середина девяностых. Пустынная улица ночной столицы. Последние часы уходящего года. Вот-вот пробьют куранты. Рядовой москвич-трудяга спешит домой по обезлюдевшей Москве. И тут... на пустынной мостовой неожиданно сталкивается с настоящим Дедом Морозом! И оказывает ему «медвежью» услугу. За что получает от того необычный подарок. С этого-то момента и начинается череда странных, невероятных и одновременно весёлых злоключений главного героя повести. Сумеет ли он выбраться из хитросплетения событий, в которые оказывается втянут по воле «Санта-Клауса из Занзибара»? Ведь не все события безобидны, как кажется на первый взгляд...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	9
Глава третья	16
Глава четвёртая	22
Глава пятая	29
Глава шестая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава первая

В тот вечер я был зол, как тысяча голодных Шерханов. Я готов был рвать и метать. А всё потому, что жизнь снова подкинула мне подлянку. И вечно вот так: шагу не ступишь, чтобы в дерьмо не вляпаться. Такая уж, видать, у меня фортуна: как ни крути, ни верти, а всё худо выходит. Это уж точно.

Да-а, подвезло мне нынче с Новым годом, уж так подвезло, что хоть башкой о кирпичную стенку бейся. Хорош праздничек, нечего сказать! Всю ночь в одиночку прокантоваться да в телек пялиться, смотреть, как богема наша московская шампанское хлещет да в конфетти купается – удовольствие, скажу я вам, ниже среднего. Да что я, в конце концов, бобыль-холостяк какой или монах на епитимье, чтобы такую ночь в единственном числе коротать?!

И не монах я, и не бобыль, а всё ж таки один я остался, это уж точно, один как перст. Светке, жене моей, подфартило ночное дежурство в её дурацкой больнице (ещё бы! ей всегда «везёт» с этими ночными дежурствами, леший их забодай), а я, как последний идиот, топаю со смены домой через полгорода, хотя на часах уже десять вечера, старый год вот-вот издохнет, словно бродячий пёс под забором, и пилить мне ещё до дому о-го-го сколько... И-эх! Житуха наша никудышная! Напьюсь сегодня до поросычьего визга, это уж как

пить дать... Два часа! Каких-то вшивых два часа осталось до боя курантов, чёрт бы их побрал совсем, а я тут грязный снег мешу своими драными сапожищами, зубами выклацываю морзянку на языке сушили и медленно околеваю от холода и обиды.

Город будто вымер. Словно холера всех скосила. Автобусы давно уже на приколе, такси тоже, похоже, волной смыло, все до единого, а к частнику я ни в жизнь не сяду. Одного моего кореша, в самый что ни на есть день получки, один такой частник-рецидивист так хватанул монтировкой по чайнику, что кореш тот до сих пор вспомнить не может, в каком году Кант родился и чему равно число «пи» с точностью до двадцать третьего знака. Газеты же теперь снизу вверх и слева направо читает, всё равно что Саддам Хусейн какой-нибудь. (Раньше, бедолага, он газеты вообще не читал, а всё больше колбасу в них заворачивал). Вот и пить, говорят, завязал, а это уж, прямо скажем, совсем аномальное явление. Видать, забыл, горемычный, что нет у нас, у работяг, иного счастья, как опрокинуть стаканчик-другой после тяжёлой смены и, воспарив душой, вернуться в дом родной, где ждёт тебя не дождётся вторая твоя половина, единственная и ненаглядная. Да как же не пить, когда жить иначе становится невозможно? Я и сам-то выпить не дурак, хотя в запой никогда не уходил, Бог миловал, это уж точно. Так, раздавишь с корешами поллитровку после трудового дня – и по хатам. Светка-то моя с пониманием к этому относится, мордобоем

не увлекается, мораль не читает и о вреде алкоголизма не нудит. Вникает, знать, в суть проблемы, душу простого тру-
дыги видит насквозь, недаром к ним в больницу намеренно но-
вый рентген завезли.

Так что к частнику не сяду ни за какие коврижки, хоть
режь. Лучше околею прямо здесь, на улице, вон в том, ска-
жем, сугробе, но черепок свой от монтировки лиходея-тер-
рориста уберегу. Жаль черепок-то, чай не чужой.

Да и зря я, собственно, беспокоюсь. Все частники, поди,
по норам своим да халупам давно уж разбрелись, слюной да
соком желудочным истекают в предвкушении грядущих воз-
лияний, а кто-то наверняка уже хряпнул по паре стопок, ес-
ли не все три, и пялится теперь в телящик, ожидая продол-
жения банкета.

Я же истекаю исключительно желчью. Злой, холодный и
голодный, словно один в поле не воин. Ну ничего, вот приду
домой, врежу сто пятьдесят, а потом ещё разок, вдогонку –
и тогда, глядишь, оттаю, и душой, и телом. У меня ведь две
ноль-пять припасено, в заглазнике, заранее всё обмозговал
и припрятал. Две «Столичные» рязанского разлива. Парень
я не промах, это уж точно, люблю в перспективу глядеть, в
корень, выражаясь иносказательно. Как только прознал, что
Светке в новогоднюю ночь вкалывать предстоит, так сразу
и припас. Уважаю я это дело, когда выпивки вдоволь, а мне
ведь больше двух пузырей и не надо, я и от одного заметно
окосею, уж мне-то свою натуру не знать! Шампанское? А ну

его в баню. Меня от него пучит и рожа краснеет, словно у запойного алкаша. Я не аристократ какой и не дегенерат, чтобы шампанское в одиночку глушить. То ли дело водочка!

Где-то пробило пол-одиннадцатого. Тут уж я совсем обо-злился и заостенел душой. А тут ещё какой-то патлатый придурок выволок на балкон две колонки и... надрываясь от натуги, завопил, захрипел на всю округу Санька Буйнов.

Пропади всё пропадом!

Пропади всё пропадом!..

Санёк орал так, что в желудке сделалось щекотно. Глухо бухали по мозгам буйновские децибеллы. А ведь верно орёшь, Санёк, пропади оно всё пропадом! Не жизнь, а дерьмо собачье. На кой ляд она мне сдалась, а? Сам-то ты, Санёк, поди, ещё загодя укатил к Алле Борисовне на своём халявном «ягуаре», прихватив пару ящиков «амаретто». И теперь, поди, уплетаешь икру половниками – так, что аж за ушами у тебя пищит да очки от кайфа потеют. И снуют вокруг тебя, это уж как пить дать, гетеры голозадые, с подносами да со всяческой выпивкой заморской, а рядом-то всё друзья да кореша твои, коллеги и сотрудники по работе, жёны чужие и разные прочие женщины, и все в бриллиантах, все разукрашены, размалёваны, расфуфырены. Богема, мать твою. Эти-то уж точно знают, как надо Новый год встречать. У этих-то наверняка всё схвачено, кем надо за всё заплачено.

Так что не дери, Санёк, лужёную глотку свою, не верю я тебе, ну вот хоть тресни – уж для кого для кого, а для тебя-то жизнь явно не собачье дерьмо.

Я двинулся дальше. Путь мой пролегал вдоль набережной. Морозец в тот день, последний день уходящего года, завернул такой, что аж вдохнуть было боязно. Я и дышал-то через раз, опасался носоглотку застудить. Весь декабрь был тёплым, сырым, а тут – на тебе! – лютые холода подоспели, как раз вовремя, чтобы Новый год не казался нам, трудягам, Восьмым марта. Вокруг – ни зги, хоть глаз коли. На душе было муторно и тошно, словно сунули меня не в мою тарелку. Уж не забрёл ли я ненароком в не то измерение или, на худой конец, в иной пространственно-временной континуум? (Во, завернул!) В новогоднюю ночь, говорят, всякие чудеса случаются.

И тут я увидел его, Деда Мороза.

Глава вторая

Не скажу, чтобы я шибко удивился или, например, обрадовался. Нынче, в последние предновогодние деньки, этих Дедов Морозов всё равно что кур нещипанных, так и шастают по Москве в театральных реквизитах, с шампанским под мышкой – и всё же на душе у меня слегка потеплело, когда понял я, что не один остался на этой вымершей и холодной планетке.

Я зашагал к нему. Подойдя поближе, заметил, что с Дедом Морозом творится что-то неладное. Ситуация вырисовывалась явно нестандартная. А когда до меня дошло, что же всё-таки стряслось, у меня аж уши на башке зашевелились.

Бедняга суетился вокруг своего «жигулёнка», а тот, стервец, словно норовистый жеребец, пробив своей лакированной мордой чугунное ограждение, что тянулось вдоль всей набережной, завис, мерзавец, передними колёсами над самой рекой-Москвой и плавно так покачивался, в любой момент готовый сигануть вниз. Занесло его, видать, на скользкой дороге, а Дед Мороз, сердешный, не справился с рулём и-и-и... эх! И вот ведь вопрос: как он только сумел выбраться из своей колымаги! Да тут не только Дед Мороз, тут сам чёрт ногу сломит, это уж точно. А ему, гляди-ка, всё нипочём, сам выбрался, да ещё «жигулёнок» свой норовит утянуть назад, на твердь земную, подальше от крутого гранитного берега.

Только одному-то ему не справиться, это уж как пить дать. Вертится вокруг «жигуля», снуёт туда-сюда, колдует чего-то, а «жигуль» всё ни с места. Потому как слабо ему одному.

И тут он увидел меня. Замер, выпрямился, перестал скакать вокруг да около и стал терпеливо ждать, когда я подойду поближе.

– Бог в помощь, приятель, – приветствовал я его и, критически окинув сложившуюся ситуацию, сплюнул сквозь дырку в передних зубах. – Хреново-то дело, как я погляжу.

– Да, неудачно всё вышло, – ответил он и в упор уставился на меня. – Сударь, помогите мне вытащить мою машину. В долгу не останусь, честное слово.

Сударь, ха! Не товарищ, не гражданин, не даже господин, как нынче стало модным именоваться, а именно сударь. Что-то новенькое на нашей одной шестой части суши.

Я отмахнулся.

– Да ладно, чего уж там. За так помогу, бесплатно. Мне ваши деньги не нужны, я не из таковских.

– О'кей, приступим, – тут же заявил Санта-Клаус и снова стал деятельным. – Давайте-ка возьмёмся вот здесь и попытаемся вытащить мою старушку на мостовую.

Я хоть ростом не велик, но силёнками Бог явно не обидел, чего уж скрывать. Вот, видать, и не рассчитал я своих силёнок-то. А тут ещё, как нарочно, ветер рванул, завьюжил, да так крепко, что чуть было с ног меня не сшиб. Словом, схватились мы за зад его «жигулёнка», поднатужились, и так

легко оно пошло вдруг, так ходко, словно не стальную колымагу мы с ним тягали, а пуховую перину или декорацию из папье-маше. Я и глазом моргнуть не успел, как всё это приключилось. «Жигулёнок» вдруг встал на дыбы, как бы желая взбрыкнуть, и... плавно так, неслышно сиганул в речную пучину. Лишь на миг замер над гранитной кладкой его новенький блестящий зад и – ку-ку, Гриня, поминай как звали. Глухой далёкий всплеск – бул-тых! – завершил это трагическое событие.

– Перебор, – пробормотал я сконфуженно. – Не рассчитали. Вот ведь какая незадача.

С минуту Дед Мороз стоял неподвижно, смиряясь с свершившимся фактом. Я в этот момент как раз собирался дать дёру – да не успел. Он резко повернулся ко мне. Глаза его были серьёзные.

– М-да, сударь, сослужили вы мне службу. – Он ещё раз кинул взгляд на расходящиеся по тёмной воде круги.

– Я дико сожалею, приятель, – начал было оправдываться я, но он остановил меня движением руки.

– Забыто, сударь. Забыто и погребено на дне морском.

– Речном, – брякнул я, не подумав, и тут же понял, что сморозил чушь.

Взгляд его стал строгим.

– Давайте не будем больше об этом. Вы пытались оказать мне услугу, и за это я вам искренне благодарен. Не ваша вина, что всё вышло именно так. Благое намерение должно

быть вознаграждено, сударь, и я вознагражу вас по мере моих сил. Услуга за услугу, как говорится.

Я упрямо замотал головой.

– Не нужны мне ваши деньги.

– Кто здесь говорит о деньгах? Деньгами здесь и не пахнет, клянусь моей бородой. Эта услуга несколько иного рода. Впрочем, не услуга даже, а подарок, новогодний подарок. Всё-таки я Дед Мороз, и дарить людям подарки – моя прямая обязанность. Если хотите, долг.

Я пожал плечами. Подарок так подарок. В конце концов, я ведь действительно хотел ему помочь. А оно вон как вышло.

Дед Мороз тем временем сунул руку в обширный карман своей шубы и выудил из него пухлый бумажник. Открыв его, он стал в нём копаться.

– Вот! – сказал он наконец, выхватывая двумя пальцами какую-то бумаженцию. – Вот именно то, что я искал. Это вам, сударь. От меня.

Билет в цирк или на новогоднюю ёлку, подумал было я. Зачем он мне? Детей у меня нет, а сам я на подобных мероприятиях не бывал уже лет тридцать, не меньше. Однако обижать Деда Мороза мне не хотелось.

Я протянул руку и взял бумаженцию. Это был не билет, это было что-то совсем другое.

Заметив моё недоумение, Дед Мороз пояснил:

– Подписка на газету «Московский комсомолец», на первый квартал. Газету будете получать с завтрашнего дня. Не

волнуйтесь, сударь, подписка оформлена на ваш адрес и на ваше имя. Всё чисто и всё честно, всё выполнено с соблюдением всех необходимых формальностей, можете проверить.

И я проверил. Проверил тщательно и с пристрастием. И убедился, что Дед Мороз не врёт: подписка, действительно, была оформлена на меня. И вот тут-то я порядком струхнул.

Либо этот тип меня дурачит, либо я умом тронулся. Но как, как мог он меня одурачить? До сего дня я никогда его не встречал, это уж точно. Я присмотрелся к нему повнимательнее. Нет, никого из моих корешей он не напоминает, Дед Мороз был мне совершенно незнаком. Значит, это не шутка.

– Это не шутка, сударь, – словно в ответ на мои мысли, произнёс Дед Мороз.

Вот и выходит, что у меня с крышей не лады. Поехала, видать, крыша, и поехала, видать, крепко. Это уж как пить дать. Ох, бедная моя головушка, за что ж такая напасть! Да это похлеще будет, чем у того моего кореша, которого монтировкой ублажили.

Я и думать забыл о его проклятом «жигулёнке», тут дело куда серьёзнее. Тут дело керосином пахнет.

– Что всё это значит? – охрипшим голосом спросил я.

– Как что значит? – Он вполне натурально удивился. – Ничего не значит. Я вам дарю подписку на газету «Московский комсомолец», что тут необычного? Вы что, любезнейший, никогда газет не выписывали?

Я совершенно был сбит с толку. Что он тут несёт про ка-

кие-то газеты! У меня ум за разум заходит, а он – газеты, газеты!

– Да как же это возможно... – начал было я, окончательно растерявшись.

– А, вот вы о чём, сударь, – Дед Мороз понимающе кивнул. – Понял, теперь понял. Мне бы надо было сразу вам всё объяснить. Так вас смущает мой подарок? Вернее, некое несоответствие в естественном ходе событий? Нарушение, так сказать, причинно-следственных связей? Искривление, если хотите, временной составляющей актуального четырёхмерного пространственного поля? Смущает ведь, а? Признайтесь как на духу, смущает?

– Сму-ущает, – выдавил я, окончательно обалдевший.

– А всё потому, что я не простой Дед Мороз.

– А... какой же? – спросил я, чувствуя, как крыша у меня медленно, но верно сползает набекрень.

– Настоящий, – ответил он совершенно серьёзно.

Ну вот, теперь всё ясно: это не у меня крыша едет, это у него в мозгу дырка величиной с грецкий орех, и ветер в ней гуляет, и чердак явно течёт. Словом, спятил мужик, возомнил себя Санта-Клаусом.

Я опасливо попятился назад. Дед Мороз печально вздохнул и весь как-то сник.

– С детьми куда проще, – сказал он отрешённо, глядя куда-то мимо меня. – Дети верят. Верят, что я настоящий. И принимают подарки как должное. Поверьте, сударь, нет

большей радости, чем знать, что в тебя верят и тебя ждут. А взрослые... хм... те слишком разумны, чтобы верить в детские сказки. Что ж, пускай себе живут в своём тесном ограниченном мирке, где нет ни сказок, ни волшебства, ни настоящих Дедов Морозов. Я нужен не им, я нужен их детям. Я никогда не дарю подарки взрослым, да они и не ждут их от меня. Разве можно ждать то, во что не веришь? До сих пор я никогда не нарушал своих принципов, вы – первый взрослый, кому я решился сделать настоящий, а не купленный в магазине, подарок. Теперь я вижу, что совершил ошибку. Принципы – великая вещь. Надо следовать им до конца. Очень неприятно, знаете ли, когда тебя считают сумасшедшим.

Он повернулся и пошёл прочь. А я, как идиот, стоял с этой дурацкой квитанцией в руках и клял себя на чём свет стоит. Ну и наглый же я мужик! Ни за что ни про что обидел хорошего человека. Мне стало жаль его, и я... вдруг поверил. Поверил в настоящего Деда Мороза!

Ведь сейчас Новый год, а в Новый год, как известно, случаются всякие чудеса.

Где-то пробило одиннадцать.

Я кинулся догонять его.

Глава третья

– Эй, постойте! Да погодите же вы наконец!

Я нагнал его, когда он как раз собирался свернуть в какой-то проулок. Он остановился, в глазах его читался вопрос.

– Вы что-то хотели, сударь?

– Да, хотел. – От быстрого бега я дышал часто, с присвистом, клубы пара вырывались из моего нутра. – Я хотел вас кое о чём спросить.

Но первый вопрос задал он:

– Вы поверили мне? Только честно.

Я кивнул и почему-то смутился.

– И вас не грызёт червь сомнения? – продолжал вопрошать Дед Мороз.

– Ну, грызёт, – тихо ответил я и смутился ещё больше.

– Это хорошо. Хорошо, что вы сказали правду. Ну-с, что вы хотели узнать? Спрашивайте, сударь, я к вашим услугам. Только поскорее, до Нового года осталось менее часа.

Я не знал, с чего начать, и потому брякнул первое, что пришло на ум:

– Вы действительно... настоящий Дед Мороз?

В глазах его вспыхнули весёлые искорки.

– Самый что ни на есть настоящий.

– И вы что же, один работаете?

– Зачем же один, одному мне не справиться. Нас много в каждом городе, в каждой стране. У всех детей должен быть праздник, все дети мечтают о новогодних подарках, и все их получают, за это я ручаюсь. Так что нас много, сударь, очень много. Но я – самый главный Дед Мороз.

У меня аж дух перехватило. Самый главный! А я его «жигуль» утопил. Вот идиот!

Дед Мороз тем временем продолжал:

– В основном в нашей службе работают стажёры, но есть и квалифицированные кадры, с большим стажем и опытом работы. Чем определяется уровень квалификации? Умением творить чудеса и не допускать путаницы в подарках, только и всего. Чаще всего за каждым Дедом Морозом закреплён определённый регион земного шара, где он и работает из года в год. Перебрасывать уже сложившегося работника в другое место непрактично; смена географических поясов, знаете ли, новые традиции, местные обычаи, проблемы с изучением языков – всё это негативно сказывается на деятельности Деда Мороза. Но бывает и так, что приходится идти на жертвы, и Деда Мороза, скажем, из Брянской губернии командировуют на Таити. Я и сам несколько лет прослужил на Занзибаре.

– На Занзибаре? У них что, тоже есть свои Деда Морозы?

– У них это называется несколько иначе. Понимаете, сударь, на Занзибаре понятия не имеют о морозах.

– А, понял. И давно вы работаете в этой системе?

– Третий гросс на исходе.

– Гросс? Какой ещё гросс? Двенадцать лет, что ли?

Дед Мороз снисходительно улыбнулся.

– Двенадцать столетий, любезнейший, двенадцать столетий. Три с половиной тысячи лет.

У меня и без того голова кругом шла, а теперь я уж точно решил, что с катушек съезжаю.

– Три с половиной тысячи лет! Ну и ну! И не надоело?

– Разве добро, которое делаешь людям, может надоест? Тем более, если эти люди – дети.

– А какие подарки вы им дарите?

– Те, которые они хотят получить, разумеется. Иначе бы наша работа не имела смысла.

– Откуда же вы знаете, что им подарить?

– Вы меня удивляете, любезнейший. Я ведь всё-таки не простой Дед Мороз, а настоящий. Я всё должен знать.

Тем временем мы двинулись в путь. Увлечённый рассказом моего странного спутника, я совершенно не замечал, куда мы идём.

– Где же ваш мешок?

– Мешок?

– Ну да, мешок с подарками.

– Утонул. Понимаете, он у меня в машине лежал.

Я едва не сгорел со стыда.

– Да вы не отчаивайтесь, сударь, – сказал Дед Мороз, верно оценив моё душевное состояние. – С этим у меня проблем

не будет. Через час я добуду себе такой же, с тем же содержанием.

— Каким же это образом?

— А это уж мои трудности.

— Понятно, профессиональная тайна.

— Да нет, никакой тайны здесь нет, просто вам, простым смертным, понять это будет не совсем легко. Да и времени у меня нет на разъяснения. Как, впрочем, и у вас тоже.

— Где же вы обитаете в свободное от работы время? Летом, скажем, или осенью?

— В Лапландии, разумеется, где же ещё. Там наш дом, наша родина. Иной климат нам противопоказан.

— Бойтесь растаять?

— Да нет, растаять мы не растаем, но здоровью повредить можем... А вот, кстати, мы и пришли.

Тут только я огляделся. Батюшки, так это ж мой родной дом! Дед Мороз довёл меня, оказывается, до самого моего подъезда.

— Да откуда ж вы знаете, что я живу именно здесь?

— Послушайте, сударь, перестаньте задавать дурацкие вопросы. Вы услышали слишком много, чтобы иметь хотя бы смутное представление о самых элементарных вещах. Пораскиньте мозгами.

Я пораскинул. Ну да, ещё одно чудо. И ничего в этом удивительного нет. Подумаешь, чудо! За последний час я уже настолько свыкся со всеми этими чудесами, что не удивил

бы меня даже указ Президента о переходе с завтрашнего дня на летнее время. Даже это.

– Прежде чем покинуть вас, любезнейший, я хочу сказать несколько слов о той самой квитанции, которую вы до сих пор держите в руке. Вот, видите аббревиатуру в правом верхнем углу? СДМ. Что означает: «Служба Деда Мороза». Так вот, подписка, выданная вам, оформлена на три месяца, но деньги внесены за весь следующий год. Если вы захотите продлить подписку на следующий квартал, вам достаточно явиться в любое отделение связи до пятнадцатого числа последнего предподписного месяца и предъявить контролёру эту квитанцию. Подписка будет продлена автоматически, и всё благодаря этим трём буквам, СДМ.

– А почему бы вам не подарить мне подписку на весь год, тем более что деньги всё равно уже внесены? Какой в этом смысл?

– Смысл есть, – загадочно произнёс Дед Мороз. – Может статься, вы не захотите продлевать подписку. Вам предоставляется полная свобода выбора.

– Почему же это не захочу? – Я пожал плечами. – Очень даже захочу.

– А вы не торопитесь с выводами. Всё дело в том, что подписка эта не простая, и вы в этом сами скоро убедитесь.

Что-то этот тип не договаривает.

– Ничего, скоро вы всё поймёте, – мягко сказал он и взглянул на звёздное небо. – О, уже без двадцати двенадцать. Вам

пора, сударь, негоже Новый год встречать на улице. Торопитесь, ровно в 12.05 вам позвонит ваша супруга.

Мне вдруг стало казаться, что я стою перед ним совершенно голый. Вот чёрт, этот Дед Мороз прекрасно осведомлён!

Он улыбнулся.

– Прощайте. И помните: грядущий год готовит вам немало сюрпризов. С наступающим вас, Василий Петрович. И всех благ. Адью!

Он повернулся и исчез в темноте. А я, обалдевший, ещё несколько минут шарил невидящими глазами по пустынным тротуарам и медленно съезжал с катушек. Потом спохватился и кинулся вверх по лестнице. В одном он прав: Новый год нужно встречать дома.

Когда я влетел в квартиру, куранты уже начали отсчёт. Я врубил телевизор, выхватил из загашника пузырь и в два счёта смахнул пробку.

С последним ударом часов я опрокинул-таки стопку и теперь уже не спеша начал наполнять вторую.

В 12.05 позвонила Светка.

Глава четвёртая

Очухался я на следующий день далеко за полдень. Светка к тому времени уже была дома и теперь суежилась на кухне. Пахло жареной картошкой, салатом «оливье» и свежими огурцами. Ото всех этих ароматов у меня засосало под ложечкой. Я был голоден, как тысяча волков-альбиносов. О вчерашних событиях я поначалу даже и не вспомнил.

Попытался подняться с дивана, на котором спал, даже не удосужившись раздеться, но не тут-то было. Перед глазами вдруг всё заплесало, заёрзало, закружилось, и я снова рухнул на подушку, обессиленный и опустошённый. Видать, те два пузыря, что я вылакал за ночь, всё ещё бродили в моём нутре. Организм настоятельно требовал опохмелки.

В комнату вплыла Светка.

– Очухался, пьяница, – беззлобно сказала она. – Вижу, времени зря не терял. Ишь, бледный какой. Трещит, небось, голова-то?

– Ой трещит, – жалобно проскулил я. – Свет, полечиться бы, а?

– Ну что мне с тобой делать, – покачала головой она. – Ладно, полечу. Исключительно ради праздника.

Она снова ушла на кухню и тут же вернулась с непочатой бутылкой «Распутина».

– А вот это по-нашему! – воспрянул я духом и неуклюже

сполз с дивана. Молодец у меня всё-таки Светка!

– Садись к столу, Вась. Встретим Новый год по-человечески. Лучше поздно, чем никогда.

Мы прекрасно провели остаток дня, первого дня Нового года. От вчерашнего дурного настроения не осталось и следа. Жизнь всё-таки не такая уж и подлая штука, как мне мерещилось накануне. Это уж точно.

На следующий день, то бишь второго января, мне предстояло выходить на смену. Башка поутру была мутной, тяжёлой и дурной. Башка гудела, словно церковный колокол. Идти на работу страсть как не хотелось, но идти было надо. Некуда нам, пролетариям, деваться, такой уж наш жребий.

Когда я уходил, Светка ещё спала. Пусть выспится, подумал я, у ней сегодня выходной.

Проходя мимо почтового ящика, я машинально вынул из него корреспонденцию и сунул к себе в сумку. На работе читаю, решил я.

Мороз снова спал, воздух был влажным, тёплым, дул южный ветер. Небо затянуло сплошной облачностью, а под ногами противно хлюпала снежная жижа. На душе было тоскливо и муторно. Идти никуда не хотелось, а хотелось лежать на диване пузом кверху и плевать в потолок.

Я шёл по грязному тротуару и думал. В голову лезли всяческие мысли и идеи. Мне вдруг вспомнился странный тип, назвавшийся Дедом Морозом, – впервые с той памятной новогодней ночи. И хотя соображал я туго, рассуждал я тем не

менее совершенно трезво. Теперь-то, по прошествии суток, я уже не был так наивен и простодушен, теперь-то я знал, что всё это розыгрыш, чистой воды розыгрыш. И как это меня угораздило попасться на удочку? Ведь всё проще пареной репы, элементарно, Ватсон. Этого типа, Деда Мороза, я действительно видел впервые, но это вовсе не значит, что я ему не знаком. Дело приблизительно было так. Кто-нибудь из моих дружков оформил подписку на моё имя, нашёл человека, который согласился надо мной подшутить, снабдил его необходимой информацией и – нате, купился дядя Вася, поверил в «настоящего» Деда Мороза! Знали ведь, мерзавцы, когда и где я пойду в ту злополучную ночь, знали, что Светки не будет дома, а уж где я живу и что зовут меня Василь Петрович, известно любому моему корешу. Касательно же Светкиного звонка в 12.05 тоже нет ничего потустороннего. Как водится, в первые минуты Нового года близкие родственники и хорошие знакомые обмениваются телефонными поздравлениями. Это традиция такая, и ни для кого она не секрет. Вполне можно было догадаться, что Светка позвонит именно в это время. Что она и сделала с точностью до минуты. Вот такие пироги. Небось, кореша-то те, что так подлю подшутили надо мной, с табуреток со смеху полетели, как только узнали о моём позорном легковерии. Да-а, купился я, купился со всеми потрохами. Надо же, а я ведь действительно поверил, что он на Занзибаре в Дедах Морозах ходил и что ему уже за три штуки лет перевалило! Да в такую

чушь не то что взрослый, ребёнок не поверит – а я поверил! Каково, а? На работе, поди, все уже знают, в какую я лужу сел, вот ржачка-то будет! Стыдоба да и только.

Но на автобусной остановке, куда я наконец доковылял, меня словно обухом по головехватило. Постой-ка, Василь Петрович, что же это получается? Вся твоя версия с розыгрышем летит к чертям собачьим. А «жигулёнок»? Неужели его утопили, только чтоб посмеяться над тобой? Нет, погоди, не вяжется как-то утонувший «жигуль» с твоей версией. Слишком дорого обошёлся бы им розыгрыш. «Жигуль»-то ведь, поди, не из папье-маше. Касательно Деда Мороза это ещё вопрос, а вот «жигуль», тот точно был настоящим. Это уж как пить дать. Совсем я запутался, братцы.

А тут как раз и автобус мой подкатил. Я облюбовал себе местечко у окна и с комфортом расположился. Ехать мне ровно двадцать две минуты (я засекал), так что, думаю, успею соснуть с четверть часа. И я соснул.

Но не успел я продремать и пяти минут, как был разбужен неприятным шелестом у самого моего уха. Я разлепил веки. Шелестела газета. Рядом со мной сидел какой-то бородавчатый тип и трясущимися руками разворачивал свеженький «МК». А, чтоб тебя! Сна больше не было ни в одном глазу. И приспичило ж ему читать в переполненном автобусе!

Бородавчатый меж тем развернул газету во всю ширь, для чего ему пришлось развести руки в разные стороны, и уткнулся своим сизым шнобелем в рубрику «Срочно в но-

мер!». Правая его пятерня как раз зависла перед моим левым глазом.

– Лапу убери, – рыкнул я.

– А? – он выпятился на меня, словно баран на новые ворота, но тут до него наконец допёрло, что к чему, и он быстро убрал пятерню с глаз моих долой. – Простите великодушно, если я вам помешал.

Я на него не смотрел, но чувствовал, как он нагло пялится на мою персону. Всё это начинало действовать мне на нервы.

Бородавчатый не отставал. Придвинувшись ко мне вплотную, он поинтересовался:

– Не скучно вам сидеть вот так, без газеты? А хотите, я вам свою дам почитать, на время? Берите, мне не жалко.

От него воняло перегаром и нечищенными зубами. Впрочем, от меня, думаю, тоже несло не амброзией.

– У меня своя есть, – буркнул я. – И не хуже вашей.

– Верю, – тут же согласился он, – верю, друг, верю.

Да ни хрена ты мне не веришь, подумал я. А вот я сейчас тебе шнобель-то твой утру.

Я сунул руку в сумку и нащупал там две газеты, вынутые мною сегодня из почтового ящика. Наобум достал одну из них. «МК», второе января, то есть сегодняшняя. Значит там, в сумке, осталась вчерашняя.

– Да вы прямо фокусник! – радостно пустил слюну бородавчатый. – Смотрите, и у меня «Комсомолец», и тоже за второе число.

Я скосил глаз на его вонючую газету и убедился, что он не врёт. Потом пролистал свой номер, но ничего интересного для себя не обнаружил. И чтоб уж совсем утереть ему его сопливый шнобель, я вынул из сумки вторую газету и начал методично её просматривать. А краем глаза продолжал наблюдать за ним.

Морда его покрылась серыми пятнами. Он громко, с при-свистом засопел. Шары его полезли на лоб, в буквальном смысле, ей-Богу, не вру. Он силился что-то сказать, но не мог. Ага, проняло-таки тебя, прыщавый! Съел кукиш с маслом!

Бородавчатый вёл себя всё более и более странно. Тыкал грязным пальцем в мою газету и продолжал отчаянно сопеть.

– Э-э... а... какое у нас сегодня января? – выдавил он наконец.

Я повернулся к нему и хотел было выдать по первое число, но осёкся. Его всего колотило. Батюшки, да его сейчас кондратий хватит! Вон как zenки вылупил.

– Число... какое сегодня число... – лепетал он, словно полоумный, и вдруг заклацал жёлтыми, проникотининными зубами.

– Ну, второе, – пробурчал я, отодвигаясь от него подальше. – Ты чего, мужик, анаши обкурился?

– У-у-у! – завыл он вдруг по-волчьи и снова ткнул пальцем в мою газету.

Чокнутый какой-то, как пить дать. Из психушки, видать,

сбежал, или ещё откуда.

Я перевёл взгляд на то место, куда он тыкал своим дурацким пальцем, и... чуть было не проглотил собственный язык.

Газета была за третье января!

Глава пятая

Бородавчатый вдруг дико заржал и на весь автобус заявил, что сегодня тридцать третье декабря 2048 года. Потом всё тем же грязным пальцем ткнул стоявшую перед ним толстую тётку в её обширный живот, на что тётка сделалась багровой, как свёкла, и пронзительно завизжала. «Зарезали!» – завопил кто-то истошно. В автобусе началась кутерьма. На следующей остановке бородавчатого выволокли под локотки на свежий воздух и воткнули в сугроб, малость остудиться. Бедолага отчаянно отбрыкивался и затих лишь тогда, когда мордой ткнулся в грязный снег. Там я его и оставил. Вряд ли он сбежал из психушки, решил я, но в том, что он туда сегодня попадёт, сомнений у меня не было. Как и в том, что туда же попаду и я.

Вся эпопея с бородавчатым типом прошла для меня как бы в тумане. Я продолжал пялиться на газету, пребывая в состоянии полнейшей прострации. Теперь я знал, как съезжают с катушек. «МК», третье января, среда. Всё верно, чёрным по белому, от и до. Никаких сомнений, газета настоящая. Я даже понюхал её: пахнет свежей типографской краской.

Я точно знал, что сегодня вторник. Я не мог ошибиться. Поднатужившись, я восстановил в памяти события минувших суток – и не нашёл ни единой зацепки. События чётко

чередовались одно за другим. Всё верно, сегодня второе января, готов заявить это под присягой. Не тридцать третье декабря, и не сорок шестое марта, а именно второе января. Так что в психушку сегодня я, пожалуй, не попаду, рановато ещё.

Всё дело в газете.

Газета была завтрашней.

И вот тут-то меня осенило. Ну и подарочек уготовил мне Дед Мороз, леший его забодай! Всё это его проделки, не иначе, его дедморозовские штучки. И ведь предупреждал он меня, что подписка-то необычная, а я всё ушами хлопал да сомнениями себя изводил. Не обманул, выходит, Санта-Клаус из Занзибара.

Газета была завтрашней, это точно, но пришла она сегодня. А та, за второе января? Ясное дело, та появилась вчера. Всё как по маслу, всё тютельница в тютельница.

А завтра я получу послезавтрашний номер, и так будет продолжаться изо дня в день, аж до конца марта. Чудеса да и только. Ну как тут крыше не поехать?

Сердце у меня ёкнуло, в желудке забулькало. Я представил себе...

– Конечная! – объявил водитель. – Дальше не поеду.

Вот дьявол! Я и не заметил, как проскочил лишние три остановки. Теперь придётся возвращаться назад.

До работы я добрался без приключений. В цеху стоял гомон и звон посуды. Дружки мои, все до единого, проходили

курс послепраздничных лечебных процедур. Лечились всем подряд: кто «Жигулёвским», кто «Столичной», кто «Смирновской», а один гурман-извращенец прямо из горла лакал «Амаретто». Тех же, кто уже прошёл начальный курс лечения, складировали в каптёрке, где они долечивались крепким оздоровительным сном. Здоровье прежде всего, гласил наш неписанный закон. И мы этот закон уважали и блюли.

– А вот и Васёк приволокся! С прошедшим тебя, Василь Петрович, – приветствовал меня Колян, наш бригадир.

Я настороженно огляделся. Никто не хихикал, никто зубы не скалил, никто пальцем в меня не тыкал. Выходит, не было никакого розыгрыша. Я вздохнул свободнее.

– Стакан примешь? – спросил Колян.

– Приму. Мог бы и не спрашивать.

– О'кей. Две штуки гони.

– Да отдам я, ты ж меня знаешь. Сначала налей.

– Как скажешь, Васёк. Ты ж меня тоже знаешь, я никогда жмотом не был. На, держи.

И он протянул мне до краёв наполненный гранёный стакан.

– Ну, будь, – толкнул я краткую речь и осушил посудину до дна.

– Вот это по-нашему, – одобрил Колян. – Кремень ты, Васька, душой и телом преданный нашему общему делу. Горжусь я тобой, это я тебе как бригадир заявляю.

– Да и ты мужик что надо, – разомлев, сказал я и захрум-

кал солёным огурчиком. На душе полегчало. Теперь-то я был в своей тарелке, в родной, так сказать, стихии.

– Эй, Григорич! – крикнул Колян. – Сгоняй-ка ещё за парой.

– Бабки гони, – отозвался Григорич, потомственный пролетарий в шестом колене. – Без бабок не пойду.

– А без бабок тебе никто и не даст. – Колян повернулся ко мне. – Составишь компанию, а, Василь Петрович?

– Как не составить, составлю, – кивнул я.

В голове у меня уже изрядно шумело.

– Вот за что я тебя люблю, Васька, так это за твою отзывчивость. – Колян так растрогался, что даже слезу пустил. – С тебя ещё пару штук, всего четыре.

Я положил на стол пятёрку.

– Сдачи не надо.

Словно из-под земли выросший Григорич тут же смахнул пятёрку себе в карман. Колян добавил ещё три штуки, и потомственный гонец помчался в ближайший магазин.

Вернулся он через семь минут и тут же грохнул на стол два пузыря «Московской».

– Молоток, Григорич, своё дело знаешь. Закусон взял?

– Обижаешь, начальник. – Григорич выложил на стол шмоток колбасы и полбуханки чёрного хлеба.

– Порядок, – одобрил бригадир. – Ну-с, господа, вздрогнули. За нас.

Григорич между тем погромсал колбасу и вскрыл один из

пузырей. Мы выпили. Потом выпили ещё. И ещё. Потом нас оказалось четверо, потом пятеро, потом я сбился со счёта. Григорич ещё несколько раз гонял за водкой. В последний раз он уже не вернулся. Но никто этого не заметил. Те, кто послабее, уползали в каптёрку, а оттуда приползали свежие силы. Гудела вся бригада без исключения.

Нет, вру, одно исключение всё же имелось. Саддам Хусейн, тот самый тип, которого монтировкой по чайнику ухандохаили, сидел поодаль, один-одинёшенек, и в общем загуле участия не принимал. Бедняга обложился газетами и проглатывал их одну за другой со скоростью курьерского поезда. Совсем у бедолаги крыша сползла. Вот что значит от коллектива отрываться!

И тут я вспомнил про свою газету. Про ту, за третье января. И мне снова стало не по себе.

Кореша мои меж тем поочерёдно травили анекдоты и разительно ржали. Порой и я вставлял что-нибудь эдакое, и тогда ржанье возобновлялось. Один лишь Колян сидел насупившись и тоскливо глядел в пустой стакан. Он всегда был немножко философом, особенно после изрядной выпивки. Любил потолковать о бытии, о смысле жизни, о вещи-в-себе, о Фрейде, Ницше и Канте. Бригадир наш был человек уникальный, и мало кто мог понять его, когда он заводил речь о высших материях. Бригада его тут же начинала зевать от скуки и пялиться в потолок. Но Колян уже ничего не замечал: оседлав своего любимого конька, он нёсся во весь опор

сквозь дремучие дебри крутых философских наворотов.

Сейчас, похоже, настал именно тот момент, когда он готов был начать длиннющий монолог на одну из своих излюбленных тем. Дабы упредить его и не дать развернуться бригадирскому красноречию, от которого у всех нас начинали вянуть уши, я сунул ему под нос газету.

– Глянь, Колян, что у меня есть.

– Газета, – с полнейшим философским безразличием произнёс бригадир, еле ворочая языком. – Ну и что?

– Да ты на число глянь.

– Ну, глянул. – Он икнул.

– И?

– Ну, третье. – Он снова икнул.

– А сегодня какое?

Он упёрся в меня тяжёлым, мутным взглядом – и тут я понял, что сейчас его прорвёт. Я не ошибся. Колян икнул в третий раз, скривил рот в снисходительной усмешке, скосил и без того уже косые глаза на кончик своего носа и взял слово.

– Узок круг твоего восприятия, Васька, чрезвычайно узок. А знаешь ли ты, Васька, друг мой закадычный, что вопросом своим – ик! – поверг ты меня в уныние и тоску невы... невыраз-зимую? Что ты видишь в этой своей серой, будничной жизни? Одну лишь видимость бытия. А я, Васька, зрю в корень, в самую что ни на есть антиномистически-монодуалистическую полноту абсолютной реальности.

Ик! Зрю, Васька, и вижу м-многое. У-у, чего я только там не вижу. Такое порой приви... привидится, что... А, да ты всё одно не поймёшь, ибо погряз ты в рутине своего невежества. Погряз, Васька, и нету у тебя, Васька, стержня, оси, идеи... Дай я тебя п... п... целую. Не желаешь? Ик. Не желаешь.

– Желаю, – мотнул я головой.

– Врёшь, не желаешь. Я душу твою, Васька, насквозь вижу. А моя душа для тебя всё равно что потёмки беспросветные. С-сумерки, Васька, темень ночная. Непостижимое инобытие. А непостижимое, Васька, постигается через постижение его непостижимости. Какое, спрашиваешь, нынче число? Отвечу тебе словами великого Сократа: а хрен его знает!

Вовка-прессовщик, здоровенный бугай под два метра ростом, свалить которого можно было не иначе как шестью бутылками водки, внезапно вострепнулся и мечтательно произнёс:

– Знавал я одного Сократа, братцы. Головастый был мужик, скажу я вам. Тоже, бывало, любил о жизни потрепаться и идеи всякие говорил. Лысый был, как моя коленка, с бородавкой на носу, в очках. Чудной был человек. Такое порой отмочит, что хоть башкой об стенку бейся. Я и бился поначалу, а потом ничего, привыкать начал.

– Где ж ты с ним столкнулся-то, а? – спросил кто-то.

Вовка уставился на вопрошавшего налитыми кровью глазами.

– В Кашенке, где ж ещё. Со мной тогда рецидив приклю-

чился, на почве чрезмерного увлечения спиртом «рояль», вот меня и спровадили туда для поправки здоровья.

– И что же Сократ?

– А что Сократ? Ничего Сократ. Выписали мужичка – сразу же, как отрёкся от этого своего блудословия. А вот Христос, так тот до сих пор бока на койке казённой пролёживает. Видно, долго ему ещё люминал глушить. Стойкий мужик, братцы, кремень каких мало. «Не отрекусь, говорит, от истины, и всё тут. Истина, говорит, превыше всего». Всё ожидал, бедолага, нашествия жидо-масонов, ждал, когда же распнут его, сердешного, за правду-матку. Он и крест-то уже изготовил, мелом на палатной двери изобразил, как раз по своему росточку плюгавому, всё примерялся к нему, пристраивался. Уважал я его, братцы, за многое. Водку, к примеру, только «кристалловскую» потреблял.

– Иди ты! – ахнул кто-то.

Вовка надулся и обиженно засопел.

– Дурак ты. Я брехать не стану.

– Я б так не смог. Коли нутро горит, любую бормоту при-
мешь.

– Такое только Христу под силу, – авторитетно заметил Вовка. – Кремень, а не человек.

Последнее сообщение Вовки-прессовщика произвело на бригаду сильнейшее впечатление.

– Вот гляжу я на вас, мужики, – вновь подал голос Колян, – и разбирает меня тоска. Просто уши вянут вас слушать. И до

чего ж вы, мужики, тёмный народец!

Он закатил глаза и икнул мощно, с надрывом, так что кадык его аж в самый подбородок упёрся. Потом хлопнул очередной стакан и медленно, с достоинством, сполз под стол, где и отключился.

– Братва, волоки бригадира в каптёрку, – распорядился Вовка. – Пущай прочухается.

Философа бережно подняли и отволокли отсыпаться. Вовка же, вернувшись к столу, наполнил до краёв стакан и официально заявил:

– Всё, братцы, шестой пузырь добиваю. – Он проглотил водку, даже не поморщившись. – Сейчас окосею.

И окосел. Взгляд его остекленел и стал бессмысленно-блаженным, рожа побагровела, на толстых, как у папуаса, губах заиграла идиотская ухмылка, массивная челюсть отвисла, и на мою газету, и без того обильно усеянную окурками и залитую водкой, упал тлеющий бычок. Я и глазом моргнуть не успел, как в дедморозовском подарке, вокруг вовкиного бычка, образовалась дыра.

И тут надо мною нависла чья-то зловещая тень. Откуда-то из-за спины появилась рука и сдёрнула мою газету со стола.

– Не трожь, – предостерёг я, едва ворочая языком, и оглянулся.

Вором оказался Саддам ибн Хусейн, леший его забодай. Стянув мою газетку, он тут же уволок её в свой угол, где и принялся жадно читать. Как обычно: снизу вверх и спра-

ва налево, начиная с последней страницы. Как и положено правоверному последователю Аллаха. Я махнул рукой – грех обижаться на юродивого.

Оглядевшись, я произвёл следующее наблюдение. Лыка не вязал уже никто, разговоры как-то разом прекратились, все кивали, сопели и пускали пузыри. Нужная кондиция была достигнута.

Чего уж греха таить, я и сам был на грани помутнения рассудка. Вскоре я тоже закивал и отключился.

Так прошёл мой первый трудовой день в новом году. Если верить Светке, то домой в тот день я приполз на карачках. А я ей верю.

Глава шестая

Всю ночь по моей квартире кружила стая бутылочно-го цвета змеев-горынычей и злобно косилась на мою спящую персону. У одних были шашечки на чешуйчатых боках, словно у такси, другие сжимали в своих лапищах по одной, а то и по паре монтировок. Утром, едва продрав глаза, я твёрдо решил: всё, баста, больше никакой водки, а то ведь недолго и в Кашенку угодить. Психушки мне сейчас только и не хватало для полного счастья. Хорош, мужики, пора завязывать.

Светки дома не оказалось. Сегодня, вспомнил я, у неё дневное дежурство. Что ж, придётся выбираться из дерьма в одиночку. Ну да не впервой.

Смахнув со спинки кровати зазевавшегося змеёныша, я кое-как поднялся. Мир воспринимался с трудом, сквозь муть в глазах, шум в ушах и пелену в мозгах. Организм трясло, как при армянском землетрясении, в нутре бушевал пожар, правый глаз заплыл, а рук и ног я не чувствовал вообще. Хреново твоё дело, Василь Петрович, сказал я себе, тебе ведь ещё на работу пилить. Не отбросить бы тебе с перепоею коньки.

Коньки я не отбросил. По крайней мере, на этот раз всё обошлось. Кое-как собрался и отправился на смену.

Внизу, в подъезде, у почтовых ящиков, нос к носу столкнулся я с Иван Ивановичем, нашим почтальоном, классным

мужиком и большим любителем заложить за воротник. Распил я с ним, помню, не одну бутылочку, это уж точно.

Он остановился как вкопанный и уставился на меня, словно на инопланетянина.

– Ну и видок у тебя, Василь Петрович, – покачал он головой, соболезнуя.

– Что, совсем хреновый, да? – прохрипел я, едва ворочая распухшим языком.

– Не то слово. Крепко перебрал вчера?

– Крепко, – признался я.

– Оно и видно. – Он начал раскладывать газеты по почтовым ящикам. – Погоди-ка, а не ты тут вчера с двумя бомжами поцапался?

– Да нет вроде... – неуверенно пробормотал я.

– Ну точно, ты, – непонятно чему обрадовался старик. – Один из них тебе ещё фингал под глазом поставил. – Он прищелкнул ко мне повнимательнее. – Ага, так и есть, светится-то фонарь. А уж какую, Вась, ахинею ты нёс! Будто вернулся ты только что из командировки... э-э... из какой-то там Занзибарской губернии, где вместе с каким-то Сократом новенькими «жигулями» одаривал тамошних психов, и что был ты Дедом Морозом, а этот твой Сократ вроде как в учениках у тебя ходил и мешок с «жигулями» за тобой таскал. – Он снова покачал головой. – Плохи твои дела, Василь Петрович, заговариваться начинаешь. Как бы рецидив у тебя не вышел. Что, так ничего и не помнишь?

Я ощущал, как запылали у меня уши. Стыдобень да и только!

– Ни-че-го, – развёл я руками. – Ничего, Иваныч. Хоть режь.

– Нельзя так, Вась, меру знать надо. Послушай меня, старика, уж я-то в этих делах толк понимаю.

– Стоп, Иваныч, осади назад. Я и сам секу, что я кретин, идиот и безмозглый осёл, и поэтому читать мне мораль бесполезно. Не надо, Иваныч, мне мозги продувать, там так и так ветер гуляет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.